Аргументы и факты. – 1990. – №43. – с.6.

«Я не вернусь в Россию посторонним»

С писателем Владимиром ВОЙНОВИЧЕМ у него дома, в городке Штокдорф под Мюнхеном, беседует корреспондент «АиФ» Ю. СИГОВ.

— Несмотря на то, что вы уже длительное время живете за границей, вас вряд ли можно отнести к посторонним наблюдателям за теми процессами, которые происходят сейчас в Советском Союзе...

— Я никогда не считал себя посторонним, и кроме Советского Союза в моей жизни нет ничего, что бы меня интересовало больше. Еще в 1980 г. я говорил, что через пять лет в СССР начнутся крутые перемены. Все говорили — какие перемены? Ведь у них там коррупция, дефициты, разгильдяйство! Именно поэтому, говорил я, и наступят эти перемены. Хорошо уже то, что они начались, независимо от того, чем все это дело кончится.

— В Союзе сейчас все говорят: так дальше жить нельзя! А что, по-вашему, нужно сделать для того, чтобы жить лучше?

— Сейчас в Советском Союзе действительно сложилась трудная ситуация. Развал экономики, национальные проблемы, растерянность людей, отсутствие стимулов к труду. Раньше, когда экономику заменяла идеология, было проще. Человек знал: сейчас он живет плохо и мало получает, но зато его дети (внуки, правнуки) будут жить счастливо. И человек под влиянием такой идеологии был готов пожертвовать если не своей жизнью, то чужой.

— Говорят, чтобы лучше жить, надо больше работать. Но по-моему, советских людей нельзя отнести к лентяям, и в то же время никто так бедно не живет по труду, как граждане нашей страны...

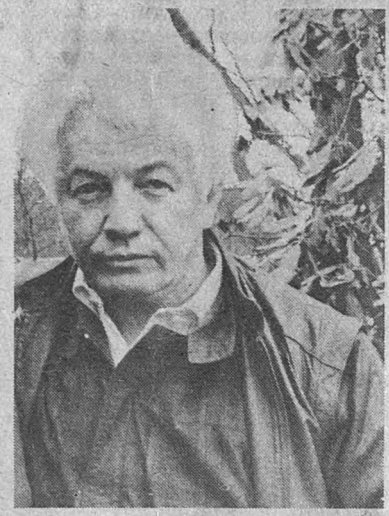
— Советские люди все 70 лет работали бессмысленно. Ведь что получилось — сначала их загнали в колхозы, потом в концлагеря, отняли у людей все, что им было дорого.

Хотя прошло пять лет перестройки, никакой перестройки на самом деле нет. Она началась по существу только в этом году. При этом все время идут попытки приспособить новые реформы под старую систему. Но это все равно, что пытаться долететь до Луны на тракторе. Можно залить его по крышу соляркой, поставить сколь угодно сильный мотор, но трактор все равно не взлетит.

— Вы автор популярной на Западе и малоизвестной у нас книги «Москва 2042». Насколько реальны, по вашему мнению, те мрачные перспективы будущего Советского Союза, которые в ней описаны?

— Я задумывал эту книгу не как прогноз, а как предупреждение. Начал писать я ее в 1982 г., а вышла она на русском языке в 1986 г. В книге изображена заключительная фаза построения коммунизма в отдельно взятом городе. Мне говорили, что сейчас, когда началась перестройка, того, что написано в книге, произойти уже не может. Но что интересно — чем дальше идет процесс изменений в СССР, тем больше роман становится похожим на предвидение.

Например, в моей книге изображена Москва, окруженная тремя кольцами враждебности, выезд и въезд в город запрещены, он находится на особом снабжении. За границу продано абсолютно все, в том числе и Мавзолей, а по Красной площади ходит иностранец из... Латвии. Для получения продуктов питания люди должны сдавать мусор и отходы. Даже лозунг на приемных пунктах вторсырья звучит символично: «Кто сдает продукт вторичный, тот питается отлично».



Скажете, глупая фантазия? К сожалению, нет. Я совсем недавно получил газету из Башкирии, в которой предлагается жителям сдать 20 кг вторсырья в обмен на получение талона на мыло. Так что, как видите, прогнозы мои недалеки от реальности. И все-таки пусть Советский Союз избежит подобной перспективы.

— Но если ситуация в стране не улучшится, уже в ближайшее время может начаться массовый исход советских людей за рубеж...

— Это неизбежно, но ничего страшного в этом я не вижу. Для того чтобы люди не уезжали, должна возникнуть идея привлекательности жизни дома. Советский Союз пока не может привлечь людей материальными выгодами, но может вдохновить перспективой построения новой жизни.

А что касается того, что советские люди побегут на Запад в поисках лучшей жизни... Бежать-то им особенно некуда. Такую ораву никто не прокормит, да к тому же, помимо свободного выезда из СССР, надо, чтобы существовал свободный въезд на Запад. А этого, поверьте мне, не будет.

— Может быть, общественные пороки нужно критиковать более серьезно и фундаментально, нежели высмеивать все и вся?

— Искусство многогранно, и в нем должны быть все краски. Сатириков же в Советском Союзе всегда не любили и не понимали. Но я считаю, что с юмором надо относиться абсолютно ко всему, в том числе и к «священным коровам». У нас их слишком много — и руководители священны, и армия священна. А по-моему, нет ничего священнее человеческой жизни.

Надо нам всем научиться смеяться, в том числе и над собой. Посмотрите на выступающих иностранных руководителей — они всегда это делают с какой-то радостью, улыбкой. И наши — серьезные лица, глаза вытаращенные, стоит за трибуной, как будто лягушку проглотил. А ведь это все влияет на восприятие Западом советского человека.

— Недавно указом Президента вам было возвращено советское гражданство. Не могли бы вы рассказать, за что и когда вас его лишили?

— Прежде всего этот указ в любом случае лучше, чем тот. Меня лишили гражданства 16 июня 1981 г., через полгода после того, как я выехал в ФРГ по приглашению Баварской академии. До этого в 1974 г. меня исключили из Союза писателей за правозащитную деятельность и «Ивана Чонкина». А когда я написал письмо в «Известия» в защиту Андрея Сахарова, мне официально заявили: терпение советского народа лопнуло. На меня стали нападать хулиганы, в моей квартире отключили телефон, а затем Брежневым был подписан указ о лишении меня советского гражданства.

Я в своем письме тогдашнему генсеку написал, что пройдет немного времени, и все указы, лишающие страну ее культурного наследия, будут отменены, а читатели станут сдавать по 20 кг ваших сочинений, чтобы купить «Ивана Чонкина».

— Станет ли президентский указ о возвращении советского гражданства вам и ряду других деятелей культуры, проживающих за рубежом, стимулом к возвращению на Родину?

— Указ Горбачева — это важный шаг вперед, но шаг неполный. Гражданство должно быть возвращено абсолютно всем, кого его лишили. Ведь согласитесь — насколько нелепа наша система: человека приговаривают к высшей мере, и он остается советским гражданином. А тут лишают гражданства только за то, что кто-то что-то сказал.

Вернусь ли я в Россию? Надо учитывать, что у всех уехавших жизнь не просто изменилась, а переломалась. Когда мы уехали, моей дочери было 7 лет и главным для нее был русский язык. Сейчас ей 17 и основной язык для нее — немецкий. Для меня Россия — родная страна, для нее — чужая. Я склоняюсь к тому, чтобы вернуться, но возникает ряд сложностей.

Жизнь моя все равно, какие бы указы ни принимались, уже разорвана — я буду жить и там, и здесь. Я планирую для начала приезжать в Союз временно, но для того, чтобы вернуться на Родину насовсем, я должен почувствовать, что я там кому-то нужен. Если меня будут считать посторонним, то я туда не вернусь. Я считаю, что государство перед теми, кого оно изгнало со своей земли, виновато. Оно виновато, разумеется, и перед всеми теми, кто сейчас живет в Союзе. И оно должно перед людьми публично извиниться.